

вам сущим, находил я...» — глава «Крестыцы»),³ выражения, заимствованные из молитв («яко роса», «божества предвечного») или из проповедей («Да отверзутся темницы, да изыдут преступники и да возвратятся в дома свои...» — глава «Спасская полесть»). Он не избегал даже таких редких, а также искусственно архаизированных словообразований, как *сосестр* (род. пад. множ. числа), *по главе, изленение, пощение, умрети, позыбнется, несоплощай, радование, бдетельность*.

Может показаться на первый взгляд, что насыщенность языка «Путешествия из Петербурга в Москву» славянизированной лексикой и фразеологией свидетельствует о подчеркнуто консервативной ориентации автора в понимании вопросов развития современного ему русского литературного языка. На самом деле обращение Радищева к «славянщизне» имело совершенно иное идейное значение. Нельзя не согласиться с утверждением, что традиционные элементы языка древнерусской и славянской письменности он сознательно противопоставил тому «верхушечному жаргону», который становился модным в прозе и стихах дворянских писателей конца XVIII века, равнявшихся по заграничным авторитетам.

Такой «язык», претендовавший стать литературным, отверг Радищев, опираясь, в противовес, на национальные основы русской «словесности», которые он видел не только в народной речи, но и в «высоком слоге» «славяно-русского» книжного языка.

Основоположником русского «гражданского витийства» (т. е. красноречивой и возвышенной прозаической речи) Радищев считал Ломоносова. «Сравни то, — указывал он, — что писано до Ломоносова, и то, что писано после его, — действие его прозы будет всем внятно...». Но подходя, таким образом, к вопросу о ломоносовском влиянии на русскую прозу с исторической точки зрения, Радищев не забывал при этом высоко ценить и древнерусских красноречивых проповедников, которые, по его словам, появились задолго до Ломоносова, однако «писали языком славянским» (см. «Слово о Ломоносове»).

Радищев находил образцовым «чистый и внятный слог» прозаических сочинений Ломоносова, а среди «бесчисленных

³ Ломоносов «считал „сожалетельным“ почти полное исчезновение из литературного употребления „славенских“ оборотов так называемого дательного самостоятельного» (В. В. Виноградов. Вопросы синтаксиса русского языка в трудах М. В. Ломоносова. Материалы и исследования по истории русского литературного языка, т II, Изд АН СССР, 1951, стр. 208).